

А. В. Шевцов

Вызовы правительственной политической культуре пореформенной России

Рассмотрены социальные вызовы, стоящие перед руководством Российской империи в пореформенный период и способы их решения в контексте политической культуры. Представлен обзор узловых моментов и проблемных точек движения к революционным потрясениям 1905–1907 и 1917 гг. Речь идет о столкновении внешних вызовов в виде требований к трансформации общественной системы в виде «модернизации» и «европеизации» с устоявшимися принципами имперской управленческой культуры, опирающейся на традиционные ценности и установки. В процессе реформ Александра II была предпринята попытка решить целый ряд социально-политических проблем. Однако их результат привел к резкому усилению нелегальной политической оппозиции в лице либеральной и революционной субкультур. Активизация внешней политики как средство диалога с общественностью только усиливала недовольство правительственным курсом. Стабилизация эпохи царствования Александра III открывала путь к ускоренному развитию транспорта и промышленности, зато политика «контрреформ» обостряла социальные противоречия. Внешнеполитические ошибки правительства Николая II в сочетании с нерешенностью внутренних социальных и политических проблем привели сначала к «генеральной репетиции» 1905 г., а затем к Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: политическая культура, социально-политическая проблема, реформы Александра II, Русско-японская война, Революция 1905–1907 гг., Февральская революция 1917 г.

Aleksei V. Shevtsov

Challenges to government's political culture of post-reform Russia

The social challenges facing the leadership of the Russian Empire in the post-reform period and ways to solve them in the context of political culture are considered. An overview of the key aspects and difficult points of movement to the revolutionary upheavals of 1905–1907 and 1917 presents. We are talking about the clash of external challenges in the form of requirements for the transformation of the social system in the form of «modernization» and «Europeanization» with the established principles of the Imperial management culture, based on traditional values and attitudes. In the process of reforms of Alexander II, an attempt was made to solve a number of socio-political problems. However, their result led to a sharp increase in illegal political opposition in the face of liberal and revolutionary subcultures. The activation of foreign policy as a means of dialogue with the public only increased dissatisfaction with the government's course. Stabilization of the reign of Alexander III opened the way to the accelerated development of transport and industry, but the policy of «counter-reform» exacerbated social contradictions. The foreign policy mistakes of the government of Nicholas II, combined with the unresolved internal social and political problems, led first to the «dress rehearsal» of 1905, and then to the February revolution, 1917

Keywords: political culture, social and political problem, reforms of Alexander II, Russian-Japanese war, Revolution of 1905–1907, February revolution of 1917

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-40-44

Столетний юбилей государственной катастрофы 1917 г. позволяет вернуться к вечному вопросу о соотношении «случайности–закономерности» произошедших событий. Попробуем рассмотреть данную проблему в аспекте влияния управленческой культуры политического руководства на принятие решений. Вначале имеет смысл обратиться к многочисленным вызовам, стоящим перед режимом Российской империи, а затем перейти к способам их решения в свете культурных «ограничителей», «стабилизаторов» и «ускорителей». Разумеется, в первую очередь речь идет о самом широком обобщении

известного любому грамотному специалисту материала, и во вторую – об относительно новом взгляде на уже хорошо исследованный историками, политологами, социологами и философами предмет.

Не будем подробно разбирать понятия «модернизация» и «европеизация», за которыми тянется довольно «мутный» философский шлейф. Техничко-организационный аспект «осовременивания» вполне очевиден («слабых бьют, с сильными договариваются»). Ну а представления о неких единых европейских культурных, политических, социальных и экономических

стандартах с трудом соотносятся с историческими реалиями (по компаративному принципу «так, да не так»). Однако представления о вечно отсталой России превратились в родовое проклятие отечественной идеологии («шеф, все пропало», и/или «наша отсталость – наше преимущество»).

Узлы противоречий и болевые точки множились как грибы. Императорский абсолютизм и засилье титулованной аристократии стали восприниматься большинством образованной публики как архаизмы, не позволяющие воплотить искомый меритократический принцип. Освобожденные «несчастливыми супругами» служилое дворянство постепенно превращалось не в джентльменов-джентри, а в дисфункцию. Давление «снизу», со стороны разночинцев и прочих непривилегированных все время усиливалось, вынуждая периодически «ремонтировать» социальные лифты. Модные веяния национализма охватывали все более широкие круги, как «москвитов», так и «инородцев», требуя учета социально-культурных интересов мещанских (читай по-новому, буржуазных) низов. Разумеется, библиография указанных проблем воистину необъятна. Поэтому ограничимся упоминанием, так сказать, «ультра-концептуальных» работ [1; 2; 3; 4].

И, наконец, «Великие реформы царя-освободителя». Реформаторы умудрились загнать большинство крестьян в невыносимую выкупную кабалу, одновременно вызвав недовольство значительной части новоиспеченных частных собственников. Земская и городская реформы породили конфликты: 1) между властными органами и созданными теми же органами, «на свою голову», структурами либеральной оппозиции; 2) между дворянской общественностью и недовольными их деятельностью городскими и сельскими низами. Воспринимаемая крестьянами как тяжелое бремя «рекрутчина» была заменена гораздо более жесткой воинской повинностью с длительными сроками службы. Реформа печати, с анекдотическими «разрешительно-запретительными» фильтрами, отлично поспособствовала росту авторитета любого критического слова («раз запрещают, значит – правда»). Реформа образования привела к превращению студенчества в радикальную оппозиционную силу, так и не решив проблему обеспечения народного хозяйства необходимыми кадрами [5, с. 351–394; 6, с. 272–343; 7, с. 258–260; 8, с. 3–15, 535; 9, с. 3–300; 10, с. 8–226; 11, с. 3–262].

Про процесс индустриализации говорить нечего. Буксиры в лице государственных инициатив, германских и франко-бельгийских инвесторов тянули промышленность наподобие «ле-

беда, рака и щуки» [11, с. 101–129; 12, с. 3–422; 13, с. 2–5, 18–39, 611–619].

В нашу эпоху показного пацифизма не любят вспоминать древнюю аксиому, гласящую, что военные успехи являются индикатором общественного здоровья. Крымскую войну проиграли дипломаты, недооценившие британскую опасность. Формально выигранная очередная Турецкая война, благодаря отказу от обрубевского прыжка вдоль побережья, закончилась берлинским конфузом [14, с. 187–226, 313; 15, с. 5–219; 16, с. 397–411].

Конец первого десятилетия нового царствования ознаменовался долгим провоцированием Японии, что привело к колониальной войне, «вчистую» проигранной великой европейской державой. И это при относительно благоприятной внешнеполитической обстановке, когда явную недоброжелательность проявляла только владычица морей. Российские армии и флот показали свою слабость, все дефекты управления вылезли наружу, а тыл выдержал всего лишь год, до Кровавого воскресенья [17, с. 3–665; 18, с. 212–216; 19, с. 3–9, 478–490]. Страна испытала все прелести политической и социально-экономической дезорганизации. Двойная смена политического режима, появление резко оппозиционной нижней палаты парламента, всеобщая забастовка, невиданный ранее размах эсеровского террора, череда разного рода восстаний, карательные военные экспедиции. Из затяжного кризиса удалось с трудом выйти только к 1909 г.

Столыпинская политика внешнеполитических уступок спасла от, казалось бы, неминуемой войны 1908 г. Зато выбор в пользу Антанты окончательно развеял немецкие иллюзии по поводу возможного возвращения России к союзу трех императоров, или хотя бы к благожелательному нейтралитету. Получилась классическая патовая ситуация. Соглашения с западными державами требовали участия в совместной войне, а такое участие с неизбежностью направляло страну к повторению событий 1905–1907 гг., только с гораздо более тяжелыми последствиями.

Мало того, использование системы полицейских провокаций привело главу правительства к трагической кончине. Появилась сомнительная возможность вернуться к активной внешней политике. Раз провалились на восточном направлении, вернемся к традиционному южному, так сказать, к «царьградскому». Поддержка коалиции победителей в балканских войнах помогла наказать как старую соперницу Турцию, так и «предательницу» Болгарию [20, с. 535–540].

Однако «пирров» успех довел до сараевского теракта, после которого встал вопрос о поддержке Сербии. Отказ от союзнических обязательств окончательно подрывал репутацию и, в перспективе оставлял Россию один на один с центральными державами. Да и действенность уступок весьма сомнительна. Чего стоит исторический анекдот о двух вариантах ноты об объявлении войны, врученных графом Фридрихом фон Пурталесом Сергею Сазонову.

Был ли шанс? Разумеется. Душу монархистов греет миф о спасении Парижа Императорской армией в 1914 г. Впрочем, сентенция о соломинке из пяти дивизий, сломавшей спину немецкого верблюда, весьма сомнительна. Мольтке-младший, укрепляя левый фланг наступающей группировки, с неизбежностью разрушал шлиффеновский план. Иное дело, несостоявшийся успех на Восточном фронте. Если русское командование, наподобие буриданова осла, разрывалось между дилеммой или Пруссия-Силезия, или Галиция-Венгрия, то у немцев выбора не было. Эрих Людендорф блестяще переиграл Юрия Данилова, остановив русский паровой каток [21, с. 3–28, 87–92, 409–411].

Далее начался «японский сценарий». Боеприпасы закончились, новых было взять неоткуда. Союзники, за исключением той же Японии, регулярно срывали поставки. Новые дальневосточное и кольское направления не могли компенсировать блокированных Балтики и Черноморья. Массовый призыв натолкнулся на отсутствие винтовок. Демобилизовать солдат было опасно, бросать в бой без огнестрельного оружия – глупо. Тыловые гарнизоны, особенно петроградский, постепенно превращались в скопления лиц, крайне недовольных существующей властью. Ко времени Горлицкого прорыва артиллерия оказалась практически без снарядов, и русская армия, разумеется, начала откатываться вглубь страны. Обновление офицерских кадров – особая проблема. В среде выживших кадровых командиров росли пессимистические настроения, а ускоренные курсы преимущественно поставляли тех же потенциальных оппозиционеров [22, с. 210–217; 23, с. 2–12, 518–520; 24, с. 339–341].

Единения власти с общественностью не получилось. Патриотического порыва русской интеллигенции хватило до первых крупных поражений. В правой по своему составу Четвертой думе, на выборы которой правительство потратило уйму денег, сформировался быстро разрастающийся оппозиционный Прогрессивный блок. Между кадетами Василием Маклаковым и Павлом Милюковым развернулась дискуссия о возможности «рассчитаться с шофером»

(по аналогии с английской поговоркой: «коней на переправе не меняют»). Оппозиция требовала ответственного перед Думой министерства, т. е. перехода от дуалистической к парламентской монархии. Николай уступать не желал, взамен устраивая «министерскую чехарду» и думские каникулы.

Принявший на себя верховное командование император оказался прекрасной мишенью для критики. Кампания 1916 г. началась с неудачной Нарочской операции, продолжилась успехом Брусилова и провалом под Ковелем, а закончилась феерической румынской эпопеей. Этот год ознаменовался отказом целых частей идти в наступление.

Созданные для помощи армии и военной промышленности союзы и комитеты прекрасно «пилили бюджет», производя военное снаряжение по бешеным ценам. Предпринимательство за сто лет ничуть не изменилось. С патронно-снарядным голодом удалось справиться, несмотря на постоянные рабочие забастовки. Однако появились, как минимум, две новые напасти: 1) нехватка продовольствия, приведшая к явно запоздавшему постановлению министра земледелия «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной» от 2 декабря 1916 г.; 2) перегрузка железных дорог, где быстро убывающий подвижной состав не справлялся с постоянно растущим объемом перевозок.

В начале 1917 г. наступила развязка.

Казалось бы, держава, находящаяся в военном союзе со столь передовыми в техническом и социально-политическом отношении государствами как Британская империя и Республика Франция, не может проиграть. А тем более разделить судьбу трех империй (Австро-Венгерской, Германской и Османской), оказавшихся «не на той стороне».

Большинство объяснительных схем содержит идею «запаздывания». С позиций представителей «освободительного движения», в первую очередь либералов, правительство вечно запаздывало в области уступок «прогрессивной общественности». Парламент был создан только в 1906 г., причем уже в следующем году принятые императором на себя самоограничения были нарушены. О пропорциональности народного представительства и ответственности правительства перед Государственной думой левая оппозиция могла только мечтать. Находящийся в центре «ценностного ядра» идеи божественного освящения и ответственности власти перед Богом вынуждали воспринимать каждую подобную уступку как отход от правильного устройства политической системы.

Своеобразный национализм правления Александра III и Николая II, выступающий как противоядие идеям либеральной и социалистической модернизации, также наткнулся на религиозную основу политической идеологии. Принятие первыми императорами протестантизма как, так сказать, «младшего партнера», не относилось ни к католикам, ни тем более к иудеям. Недаром польский и еврейский «вопросы» превратились в опасные мины, заложенные под здание российской государственности. Причем постоянные колебания в отношении ужесточения/ослабления национальной политики только усиливали решительность политических активистов.

Словность также рассматривалось как важная часть ценностного ядра российской политической культуры. Об уравнении в правах всех подданных речь не шла. Недаром эта идея использовалась как крайне левыми (идея «равного гражданства»), так и крайне правыми (идея «черной сотни»). Причем отступления от принципов Петровского регулярного государства относительно привилегированных феодалов только усиливали оппозиционность аристократии и дворянства.

Столь выгодный для английской и французской буржуазии прошлых веков тезис о неприемлемости существования наследственных латифундий прекрасно прижился и на русской почве. Столкновение принципов «незыблемости частной собственности» и «земли божьей» породило массу вариантов земельной реформы. Причем правительство П. А. Столыпина усилило социальную напряженность, приступив к фактической ликвидации общинного землевладения.

И, наконец, внешняя политика. Статус великого государства требовал проведения активной и достаточно успешной внешней политики. Особенно в эпоху раздела мира между основными европейскими державами. Причем такая политика требовала мощной экономической базы, на которую опирались бы современные вооруженные силы. Развитой транспортной сети явно не хватало в военный период.

Неудача в Крымской войне поставила вопрос о взвешенной и осторожной дипломатической работе. Однако последующие события показали, что далеко не все уроки были учтены. Как и во внутренней политике, внешнеполитические авантюры сменялись периодами относительного «затишья», что одинаково негативно сказывалось на престиже государства в целом, и политического режима в частности. Не хотелось проводить параллели с современностью, но они вполне очевидны.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции; Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: АСТ Хранитель, 2006. 445 с.
2. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. 5-е изд. Москва, 1971. Т. 3. С. 1–609.
3. Пайпс Р. Россия при старом режиме / пер. В. Козловского. Москва: Захаров, 2012. 478 с.
4. Струве П. Б. Размышления о русской революции. София: Рус.-болг. изд-во, 1921. XI, 322 с.
5. Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исслед., историография, источники. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. 396 с.
6. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: Просвещение, 1968. 368 с.
7. Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II, 1855–1881: ист. очерки. Москва: Журн. «Рус. мысль», 1909. 263 с.
8. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: Урал. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 539 с.
9. Проблемы модернизации российского государства и великие реформы Александра II: соврем. взгляд: сб. ст. и материалов «круглых столов» кафедры теории и истории государства и права / сост. Н. В. Кулаженкова; под общ. ред. Е. Н. Селютиной. Орел: Изд-во Орлов. фил. РАНХиГС, 2015. 303 с.
10. Революция против свободы: дискуссия о реформах Александра II и судьбе государства: хрестоматия / сост. И. Е. Дискин. Москва: Европа, 2007. 228 с.
11. Лагутин И. Б. Государственный финансовый контроль в Российской империи в первой половине XIX в. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 131 с.
12. Металлургическая промышленность России первой половины XIX в.: сб. док. и материалов / сост. Н. М. Арсентьев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. 423 с.
13. Экономическая история России XIX–XX вв.: соврем. взгляд: сб. ст. / Науч. совет РАН по проблемам рос. и мировой экон. истории; отв. ред., авт. предисл. В. А. Виноградов. Москва: Росспэн, 2001. 622 с.
14. Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольте»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Санкт-Петербург: Алетей, 1998. 314 с.
15. Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников: записки и воспоминания: сборник / Федер. арх. служба России, Рос. гос. воен.-ист. арх.; сост. Н. В. Ильина, Л. Я. Саэт. Москва: Росспэн, 2001. 213 с.
16. Скрицкий Н. В. Балканский гамбит: неизвестная война 1877–1878 гг. Москва: Вече, 2006. 413 с.
17. Левицкий Н. А., Быков П. Д. Русско-японская война, 1904–1905. Москва: Изографус Эксмо; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2003. 667 с.
18. Мартин К. Русско-японская война, 1904–1905 / пер. с англ. Е. К. Солнцевой. Москва: Центрполиграф, 2003. 218 с.

19. Уткин А. И. Русско-японская война: в начале всех бед. Москва: Эксмо Алгоритм, 2005. 492 с.
20. Малые войны первой половины XX в.: Балканы. Москва: Аст; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2003. 542 с.
21. Переслегин С. Б. Первая мировая: война между реальностями. Москва: Эксмо, 2016. 412 с.
22. Базанов С. Н. Первая мировая: от «войны до победного конца» к «миру любой ценой». Москва: Акад. проект, 2017. 218 с.
23. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. Москва: Вече, 2006. 524 с.
24. Федосеев С. Л. «Пушечное мясо» Первой мировой: пехота в бою. Москва: Яуза Эксмо, 2009. 572 с.

References

1. Berdyaev N. A. Spiritual foundations of Russian revolution; Origins and meaning of Russian communism. Moscow: Ast Khranitel', 2006. 445 (in Russ.).
2. Lenin V. I. Development of capitalism in Russia. *Lenin V. I. Complete works*. 5th ed. Moscow, 1971. 3, 1–609 (in Russ.).
3. Paips R.; Kozlovskii V. (transl.) Russia under old regime. Moscow: Zakharov, 2012. 478 (in Russ.).
4. Struve P. B. Reflections on Russian revolution. Sofia: Russ.-Bulgarian publ. house, 1921. XI, 322 (in Russ.).
5. Power, society and reforms in Russia in 19th – early 20th century: research, historiography, sources. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. 396 (in Russ.).
6. Zaionchkovskii P. A. Abolition of serfdom in Russia. 3rd ed., suppl. and rev. Moscow: Prosveshchenie, 1968. 368 (in Russ.).
7. Kornilov A. A. Social movement under Alexander II, 1855–1881: historical essays. Moscow: Magazine «Russkaya mysl'», 1909. 263 (in Russ.).
8. Nefedov S. A. Demographic structural analysis of socio-economic history of Russia. Ekaterinburg: Ural State Univ. of Humanities, 2005. 539 (in Russ.).
9. Kulazhenkova N. V. (comp.); E. N. Selyutina (ed.) Problems of modernization of Russia and Alexander II Great Reforms: modern view: coll. of art. and materials of Dep. of theory and history of state and law «round tables». Orel: Russ. Acad. of National Economy and Public Administration, Orel branch, 2015. 303 (in Russ.).
10. Diskin I. E. (comp.) Revolution against freedom: discussion on reforms of Alexander II and fate of Russia: anthology. Moscow: Evropa, 2007. 228 (in Russ.).
11. Lagutin I. B. State financial control in Russian Empire in first half of 19th century. Kursk: Kursk State Univ., 2006. 131 (in Russ.).
12. Arsent'ev N. M. (comp.) Metallurgical industry of Russia in first half of 19th century: collection of documents and materials. Saransk: Mordovian Book publ. house, 2006. 423 (in Russ.).
13. Vinogradov V. A. (ed., introd.) Economic history of Russia 19th–20th centuries: modern view: coll. of art. / Sci. Council of Russ. Acad. of Sciences on Problems of Russian and World Economic History. Moscow: Rosspen, 2001. 622 (in Russ.).
14. Airapetov O. R. Forgotten career of «Russian Mol'tke»: Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904). Saint Petersburg: Aleteiya, 1998. 314 (in Russ.).
15. Il'ina N. V. (comp.), Saet L. Ya. (comp.) Russian eagle in Balkans: Russian-Turkish war in 1877–1878 through eyes of its participants: notes and memoirs: collection / Federal Arch. Service of Russia, Russian State Military-Historical Arch. Moscow: Rosspen, 2001. 213 (in Russ.).
16. Skritskii N. V. Balkan gambit: unknown war in 1877–1878. Moscow: Veche, 2006. 413 (in Russ.).
17. Levitskii N. A., Bykov P. D. Russian-Japanese war, 1904–1905. Moscow: Izografus Eksmo; Saint Petersburg: Terra Fantastica, 2003. 667 (in Russ.).
18. Martin K.; Solntseva E. K. (transl.) Russian-Japanese war, 1904–1905. Moscow: Tsentrpoligraf, 2003. 218 (in Russ.).
19. Utkin A. I. Russian-Japanese war: at beginning of all evils. Moscow: Eksmo Algoritm, 2005. 492 (in Russ.).
20. Small wars of first half of 20th century: Balkans. Moscow: Ast; Saint Petersburg: Terra Fantastica, 2003. 542 (in Russ.).
21. Pereslegin S. B. World War I: war between realities. Moscow: Eksmo, 2016. 412 (in Russ.).
22. Bazanov S. N. World War I: from «war to victory» to «peace at any cost». Moscow: Akad. projekt, 2017. 218 (in Russ.).
23. Golovin N. N. Russia in World War I. Moscow: Veche, 2006. 524 (in Russ.).
24. Fedoseev S. L. «Cannon fodder» of World War I: infantry in battle. Moscow: Yauza Eksmo, 2009. 572 (in Russ.).